

все же свой, российский царь, а эlegantный, политичный, хорошо воспитанный Мазепа – чужой, "ляхетский выродок"» [9, с. 164].

Таким образом, обращение писателя к исторической проблематике во все времена требует активной нравственной позиции. Независимо от своей воли автор вынужден принимать участие в процессе формирования на основе изучения прошлого ценностей своего времени. Функционируя в определенной культурной среде, историческая романистика предполагает четко выявленный модус восприятия, зависящий от авторской аксиологической установки. Тем не менее, поднимая проблемы вины/прощения и памяти/забвения в истории, писатель все-таки должен исходить из парадигмы «вечных» истин. В этом заключается один из способов существования исторического знания: постоянная переоценка старого с позиций нового, согласие и конфликт характеров, личностных пристрастий, политических взглядов.

Список литературы

1. Аладьин Е. В. Кочубей / Е. В. Аладьин // Старые годы. Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX века. – М., 1989. – С. 34–61.
2. Булгарин Ф. В. Сочинения / Ф. В. Булгарин. – М., 1990. – 704 с.
3. Вацуро В. Э. Готический роман в России / В. Э. Вацуро. – М., 2002. – 542 с.
4. Дементьева Н. Г. Мифологема Мазепы в западноевропейской литературе : дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Дементьева. – СПб., 2003. – 212 с.
5. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам : в 15 т. / И. И. Голиков. – М., 1838. – Т. 4. – 640 с.
6. Зотов Р. М. Таинственный монах, или Некоторые черты из жизни Петра I / Р. М. Зотов // Собрание сочинений : в 5 т. – М., 1996. – Т. 1. – С. 13–311.
7. Мордовцев Д. Л. Царь и гетман: Романы / Д. Л. Мордовцев – М., 1994. – 572 с.
8. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 29 т. / С. М. Соловьев. – М., 1865. – Т. 15. – 428 с.
9. Сорочан А. Ю. «Квазиисторический роман» в русской литературе XIX века. Д. Л. Мордовцев / А. Ю. Сорочан. – Тверь, 2007. – 224 с.

ГЕРЦЕНОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

И.Ж. Сарсенова

В статье на материале романа «Кто виноват?» и повести «Доктор Крупов» рассматривается представление А.И. Герцена о личности с позиций христианской аксиологии. Большое внимание уделяется мотивам гордости, темам христианской любви и страдания. Делается вывод о том, что на формирование мировоззрения писателя большое влияние оказала религиозная первооснова.

In this article on the material of the novel "Who is to blame?" and story "Dr. Krupov" we described A.I. Herzen's presentation about personality from the standpoint of Christian axiology. Much attention is paid to motives of pride, matters of Christian love and suffering. It is concluded that religious basis had an important influence on the formation of the writer's worldview.

Ключевые слова: личность, аксиология, вечные ценности, бездуховное существование, смысл жизни, горний и дольний мир, высший идеал.

Key words: personality, axiology, eternal values, earth-fed existence, the meaning of life, world "gorniy" and "dolniy", the highest ideal.

В общественном сознании сегодня все большее распространение получает мысль о том, что любая национальная культура в своих истоках религиозна и ее уникальность во многом обусловлена влиянием религии, являющейся основой мировоззрения, нравственности, системы ценностей и всего уклада жизни народа. Для русской культуры такую первооснову составляет христианство. Но современная история русской литературы в значительной степени основывается на наследии советского литературоведения с его атеистической идеологией. Такой подход не дает возможности адекватного научного прочтения литературного наследия. В частности, ограниченно-односторонней представлена личность А.И. Герцена во многих исследованиях советского времени по истории русской литературы XIX в. Мы постараемся рассмотреть литературное творчество мыслителя как составной элемент единой аксиологической картины, основой которой является христианское представление о человеческой личности.

На материале романа «Кто виноват?» и повести «Доктор Крупов» рассмотрим этико-философские взгляды писателя на личность, коррелирующие с христианскими воззрениями.

Религиозность – одна из главных черт, присущих герценовским героям. Например, чтобы показать религиозность родителей Дмитрия Круциферского из романа «Кто виноват?», писатель использует сюжет из Евангелия: «...Маргарита Карловна сюрпризом мужу, ко дню Иакова, брата господня, ночью обила старый диван и креслы ситцем <...>; на диване Авраам три раза изгонял Агарь с Измаилом на пол, а Сарра грозилась...» [2, с. 27].

В своих произведениях для более точной характеристики людей или оценки ситуации А.И. Герцен и его персонажи проводят параллель с библейскими героями. Так, убежавшего от Негровой Дмитрия писатель именует Иосифом («Глафира Львовна, не понимая хорошенько бегства своего Иосифа...» [2, с. 51]), по имени персонажа библейской легенды, преследуемого любовью жены своего хозяина. В восприятии Владимира все жители города NN сливаются в одно «фантастическое лицо», которое получает имя библейского героя: «Бельтов увидел, что ему не совладать с этим Голиафом» [2, с. 112]. Марья Степановна называет доктора Крупова «Иудой искаротским» [2, с. 139], а Семен Иванович уподобляет себя другому евангельскому персонажу: «Я... проповедовал, как Иоанн в пустыне; никто меня не слушал» [2, с. 191]. Учитель NN-ской гимназии, оценивая ситуацию любовного треугольника «чета Круциферских – Бельтов», сравнивает Круциферского с первым жителем рая: «Это старый шток... и если Адам не носил рок, то это от того, что он бил одна мушина в Эден» [2, с. 184].

В рамках анализа концепции личности у А.И. Герцена с позиций христианских традиций целесообразно рассмотреть следующие аспекты, получившие наиболее полное воплощение в художественной системе произведений писателя: мотивы гордости, христианской любви, страдания.

В первой половине XIX в. художественная литература призвана была передать усложнившуюся психологию человека и изменившийся характер его взаимоотношений с окружающим миром. Становление отечественной прозы было неразрывно связано с утверждением национального самобытного взгляда на изменившуюся действительность. Значительную роль в этом сыграла система этических принципов, базирующаяся на христианских ценностях. Поэтому идейным центром многих произведений русской литературы становится проблема гордости.

Кроме «адамова наследства», человек носит на себе еще и «каинovu печать». В христианском сознании гордость – главный смертный грех, поэтому целью всей земной жизни человека должно быть стремление к избавлению от нее. Основными проявлениями гордости являются, прежде всего, тщеславие, самолюбие и честолюбие, толкающие на поиск путей к возвышению над другими, а также зависть и жажда мести.

В повести «Доктор Крупов» показана гордыня простых людей. Сенька осуждает «богопротивное людей обращение с глупорожденным» Левкой. Рассказчик с прискорбием подчеркивает, что, «унижая его», «добрые люди» растут «в своих собственных глазах». Даже отец Сеньки, «от природы вовсе не злой человек», обращается с Левкой не иначе, «как унижая его и возвышая себя» [2, с. 282]. Окружающие люди «считают себя вправе презирать, гнать это существо, тихое, доброе, никому никогда не сделавшее вреда» [2, с. 283].

В романе «Кто виноват?» широкое освещение получает тема гордости состоятельных людей. Супруги Негровы тщеславны. Свое жизненное кредо Алексей Абрамович формулирует так: «Люблю наказывать, люблю и жаловать». Рожденная крестьянкой, Люба для отца – неодушевленный предмет: «Что она такое, чтоб обижаться?». Генерал часто повторяет, что Любонька «всю жизнь обязана Бога молить за его жену» и «без нее она была бы не барышней, а горничной» [2, с. 40]. «Пречувствительная» Глафира Львовна очень грубо обращается с крестьянскими детьми и надменно говорит: «С ними нельзя обходиться по-человечески» [2, с. 45]. Негрова, узнав о серьезных чувствах Дмитрия к Любе, называет ее «хамово поколение», напоминая супругу, что «от такого рождения всегда бывают такие плоды» [2 с. 53]. Повествователь обращает внимание на «гордую и величественную мину» генеральши, именно «мину», а не лицо [2, с. 59]. Чета Негровых воплощает в себе психологический тип, в основе которого лежит гипертрофированное самолюбие как проявление непомерной гордыни. Необходимо подчеркнуть, что Негровы не единственные материально обеспеченные персонажи романа, которые отличаются гордыней. В ценностях, исповедуемых указанными персонажами, полностью отсутствует высшее измерение, согласно которому главная оценка всего происходящего должна производиться «с точки зрения вечности» [2, с. 41]. Как видим, в рассматриваемых произведениях отражается жизнь мира, в котором правит гордыня.

Гордость, согласно христианской антропологии, есть явное проявление глубокого искажения человеческой природы, наступившего вследствие первородного греха. Глубокое и тонкое проникновение во внутренний мир героев позволяет писателю выявить двойственность человеческой природы, совмещающей в себе светлое и темное начала. В какие-то моменты жизни и положительные персонажи подвержены этому пороку. Любовь Александровна замечает проявление гордыни у Владимира в момент, когда он добивается от нее словесного признания в глубоком чувстве к нему: «этот гордый человек» хочет от нее «слова», «торжества» [2, с. 164]. И Дмитрий поддается влиянию этого порока, когда догадывается, что Люба полюбила Бельтова: «...Вдруг в его душе, мягкой и нежной, открылась страшная возможность злобы, ненависти, зависти и потребность отомстить» [2, с. 178]. Но все же в мировосприятии Дмитрия писатель воплощает оппозицию «гордость – смирение», так как мимолетная черная мысль покидает его. Ветхозаветное стремление к мести сменяется в его душе новозаветным состоянием прощения, «безумный

ревнивец, карающий муж» решается самоотверженно молчать: «Пусть она будет счастлива» [2, с. 178].

Таким образом, в прозе А.И. Герцена тема гордости занимает чрезвычайно важное место, реализуясь в самых разных вариантах.

Основополагающим понятием в христианской иерархии нравственных ценностей является любовь, поскольку, по евангельским представлениям, именно ею сотворен мир. На протяжении длительной истории человечества в его сознании многократно менялись представления об идеальной человеческой личности. Вечным образцом совершенства, высшим идеалом в христианской картине мира является Спаситель. Он перевернул представление об истине, оставил людям заповеди любви, милосердия и сострадания. Явление Иисуса Христа в мир дало возможность каждому человеку обрести самый важный смысл земной жизни – духовный, который заключается в «домостроительстве» собственной души. Проблема идеала в русской литературе первой половины XIX в. является одной из центральных и связана с художественным воплощением христианских ценностных установок.

Яркий образ человека, заключающего в своей душе христианский идеал, мы встречаем в повести «Доктор Крупов». С самого раннего детства жизнь рассказчика проходит рядом с юродивым сыном пономаря Левкой, близкое общение с которым заставляет Сеньку задуматься о ее смысле, об истинных и ложных ценностях, о дольном и горнем мирах. Пономарев сын – ребенок необыкновенный: шести лет он «плавает, как рыба», залезает на самые большие деревья, чувствует себя в лесу «как дома»... [2, с. 279]. Как вспоминает рассказчик, вид Левки до обучения грамоте выражает «детскую кротость и детскую беззаботность» [2, с. 280]. Левка спасает жизнь щенку, которого пытаются утопить крестьянский мальчик [2, с. 280].

«Безграничная преданность» [2, с. 281], «нечеловеческая привязанность» [2, с. 285] пономарева сына очень трогают Сеньку. По какому-то внутреннему чувству родства Сенька «ужасно привязывается к товарищу» [2, с. 279], за что слышит оскорбления отца: «Не один, видно, пономарь посещен Богом» [2, с. 285].

Сюжетная организация повести имеет в своей основе ситуацию прозрения. Случайно встретив в лесу спящего Левку, рассказчик поражается, как «кротко» [2, с. 282] спит друг, какой «мир душевный» выражают его черты [2, с. 283]. Новые мысли неожиданно возникают у Сеньки: жизнь других людей, в том числе здешнего помещика, проходящая «в большей пустоте», чем сына пономаря, – «пошлый обряд, тупое одно и то же, ни к чему не ведущее». А Левка «вживается в природу, <...> понимает ее красоты по-своему» [2, с. 284]. Таким образом, Сенька приходит к выводу о бессмысленности существования подавляющего большинства людей.

Отношение «косоного Левки» [2, с. 279] к людям, животным, природе, по-детски чистое и совершенно бескорыстное, напоминает о той истинной любви, гимн которой был сложен первым богословом Церкви апостолом Павлом: «Любовь <...> все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13: 4–7). «Прикасаясь к зримой природной красоте, растворяясь в ней, герой обращается к мысли о ее сотворенности, дарованности. Размышления о сущем и сверхсущем ведут, в конечном итоге, к познанию Творца» [3, с. 114].

В романе «Кто виноват?» ясными и незамутненными христианскими установками определяется мировосприятие и образ жизни женева Жозефа – «с

строгим благочестием в лице» [2, с. 83], с «девственным взглядом» на мир [2, с. 84], с «бесконечной нежностью» [2, с. 90]. Он проповедует своему воспитаннику идеи Христа: «Одна любовь к ближнему <...> должна быть целью. Если любовь иссякнет в душе твоей, ты ничего не сделаешь <...>; только любовь созидаст прочное и живое, а гордость бесплодна, потому что ей ничего не нужно вне себя...» [2, с. 92]. Камердинер Григорий с умилением говорит о Жозефе: «Перед деревенским мальчишкой, который поклонится, приказывает Владимиру Петровичу картузик снять; такой же-де образ и подобие божие есть» [2, с. 143].

Некоторая психологическая «элементарность» внутреннего мира женева является своеобразным следствием того детского начала, которое составляет в нем ядро личности: «Холодный мечтатель неисправим: он останется на веки веков ребенком» [2, с. 84]. А «простота» его напоминает о той самой истине, которой обладают дети и о которой сказано в Евангелии, что Бог «утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. 11: 25). Следовательно, в жизни Жозефа реализуется идея христианской любви.

Таким образом, рассмотренные герои исповедуют человеколюбие как главный принцип своей жизни, что согласуется с христианским учением.

Для русской классики одним из ведущих является мотив страдания, который традиционно входит в область философии художественного творчества и ярко проявляется в его практике на всем протяжении тысячелетнего пути русского литературного процесса. Любому герою произведений русской литературы, живущему или пребывающему, хочет он того или не хочет, в атмосфере национальной жизни, страдание все равно свойственно. В «Записках одного молодого человека» говорится: «... Кто человечески страдал с каждым страданьем, <...> тот совершил кое-что» [2, с. 200]. Общий христианский взгляд на мир и человека в прозе А.И. Герцена преломляется, в частности, и через мотив страдания. Такая направленность в рамках христианских воззрений приводит к обретению смысла и цели жизни человека: «... многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14: 22).

Страдает Левка из повести «Доктор Крупов». «С точки зрения вечности» [2, с. 41], он ребенок «необыкновенный», но с позиций мира дольного он «чрезвычайно непонятлив, рассеян, даже туп» [2, с. 279]. Поэтому в семье им «гнушаются», он подвергается «безжалостному обращению» [2, с. 280] со стороны отца, который не кормит его «дня по два», сечет так, что «недели две рубцы видны» [2, с. 279]. В результате взгляд Левки выражает «дикость запуганного зверя» [2, с. 280].

Судьба Левки напоминает агиографию: он «весь в лохмотьях», «пропадает целые дни, приходит домой греться или укрываться от непогоды, иногда бормочет про себя разные неясные слова» [2, с. 280]. Он гоним толпой: крестьянские мальчишки «пускают камень» в него, мужики «делают ему всякого рода обиды и оскорбления» [2, с. 281]. Взрослые мужики помнят старую истину о том, что «юродивый – божий человек» [2, с. 281], но из их уст это звучит кощунственно. Лишь немногие понимают, любят и сочувствуют Левке: один только друг обходится «с ним ласково» и одни собаки – «почеловечески», да сельские женщины подают ему «лепешки, квасу и браги» и говорят «иногда приветливое слово» [2, с. 281].

В романе «Кто виноват?» человеческая природа наиболее полно раскрывается в страдании участников «любовного треугольника». Рушится счастье семьи Круциферских. «Безвыходное горе» разъедает [2, с. 187] Дмитрия, когда он понимает, что жена питает глубокие чувства к Бельтову. Люба видит,

как «глубокое страдание выражается на сонном лице» [2, с. 174] супруга, что «он очень страдает» и «его грусть принимает вид безвыходного отчаяния» [2, с. 175]. Даже Бельтов замечает «немое безвыходное отчаяние» Круциферского [2, с. 191]. В итоге Дмитрий, «задавленный горем, *молится богу* и пьет» [2, с. 196] (курсив А.И. Герцена).

«Какая-то пропасть раскрывается под ногами» Любви Александровны [2, с. 173]. Она болезненно воспринимает сплетни: «Зачем люди... придают какой-то иной характер нашей симпатии, портят ее?» [2, с. 174]. Люба обвиняет себя в страданиях мужа: «А мне-то видеть его страдания и знать, что причину всего я!» [2, с. 175]. Ситуацию усугубляет осознание Круциферской своей невинности: «Моя совесть чиста» [2, с. 173]. Ее внутреннюю чистоту символизирует белая одежда: «белое платье» [2, с. 44, 49, 54] и «белый бурнус» [2, с. 160, 192]. Символика белого цвета неслучайна, так как он олицетворяет «чистоту, целомудрие, свет, <...> невинность, правду» [4, с. 16]. Судьба Любви Александровны драматична, и в конце романа она предстает «потухающею, ненадежною» [2, с. 196].

Итак, именно страдание, считает писатель, определяет содержание земного существования героев, поскольку «Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1 Петр 2: 21). Если люди – «Христова облика суть», значит, страдание – чувство, характеризующее истинную личность.

В русской литературе первой половины XIX в. развитие психологического анализа способствовало глубокому проникновению во внутренний мир героев, в изображении которого явственно прослеживаются принципы христианской антропологии. Общей основой мировосприятия русских писателей рассматриваемой эпохи является четкое проявление единой аксиологической системы, в основе которой лежит представление о высшем нравственном законе. «Значительная часть религиозных размышлений таит в себе внутренний конфликт, потому что доказывание истинности положений подразумевает неуверенность, временную потерю связи с Создателем. Воссоздается восхождение личности из плотски-душевной сферы к духовности» [3, с. 111].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Концепция личности в прозе А.И. Герцена в основных чертах определяется традиционными ценностями христианства, которые составляют доминанту художественного мышления. В художественном мире писателя герои рассматриваются через этическую призму. Четко обозначена полярность горнего и дольного миров, выражающих противоположность двух аксиологических систем.

Наиболее полное воплощение в художественной картине мира писателя получили следующие аспекты христианской концепции мира: гордость, христианская любовь, страдание.

Тема гордости занимает чрезвычайно важное место в прозе А.И. Герцена, реализуясь в различных вариантах. Негативную авторскую оценку получают действующие лица, которые в полной мере исповедуют принципы гордыни и вседозволенности. Причем греховны не только богатые персонажи – супруги Негровы, но и простые люди, в частности, односельчане юродивого Левки. В характерах некоторых положительных персонажей при определенных обстоятельствах обнаруживаются низкие черты, как у Бельтова или Круциферского. Тем самым писатель подтверждает представления о двойственности челове-

ской натуры, совмещающей светлое и темное начала. Но главным критерием для писателя все-таки является наличие в душе героев четкой этической границы.

Смысл жизни как создание себя и мира – это критерий христианской культуры, с которой, на наш взгляд, тесно связаны идеи философии А.И. Герцена. В свете важнейших положений христианского учения о человеческом бессмертии писатель много размышляет на эту тему и приходит к выводу, что жизнь значительного числа его героев бессмысленна.

Представления А.И. Герцена об идеальной христианской личности воплощены в образах Левки и Жозефа. В судьбах этих героев, которые оцениваются взглядом из Вечности, провозглашается истинный смысл жизни человека – духовный.

Многогранное художественное творчество А.И. Герцена развивается на фоне христианских традиций русской литературы первой половины XIX в. Ценность рассуждений А.И. Герцена о проблемах духовной свободы, любви, смысле жизни важна, но в отрыве от христианских идей неполноценна.

Таким образом, в произведениях А.И. Герцена личность всегда находится в системе незыблемых нравственных ценностей, которые являются для писателя неизменным эталоном и имеют в своей основе христианскую аксиологию. Поэтому в герценоведении наиболее обоснованной, на наш взгляд, является позиция, учитывающая христианское понимание личности и ее предназначение. «Религиозность» писателя проявляется опосредованно, то есть в том, что он смотрит на жизненные события, характеры и стремления людей в контексте христианских традиций. В целом же для А.И. Герцена характерно идеалистическое воплощение мировоззренческих принципов.

Список литературы

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Издание Московской Патриархии, 1983. – 1372 с.
2. Герцен А. И. Сочинения : в 4 т. / А. И. Герцен. – М. : Правда, 1988. – Т. 4. – 464 с.
3. Завьялова Е. Е. Жанровые модификации в русской лирике 1880–1890-х годов / Е. Е. Завьялова. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2006. – 350 с.
4. Романова Н. Н. Знаки прошлого и настоящего: Краткий словарь / Н. Н. Романова. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 280 с.

ПОЭМА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Л.В. Спесивцева

В статье исследуется актуальная на современном этапе проблема жанра поэмы, рассматриваются дефиниции жанра, прослеживаются этапы его трансформации, определяется степень изученности в литературоведческой науке.

In this paper the actual problem at the present stage of the genre of the poem, consider a definition of the genre, traced the stages of its transformation, the degree of knowledge in literary scholarship.

Ключевые слова: поэма, жанр, типология, трансформация, направление.
Key words: poem, genre, typology, transformation, direction.

Своеобразие исторической дефиниции «жанр» обусловлено авторским восприятием человеческой личности в ее неразрывной связи с окружающим реальным миром и той эпохой, в которую он живет. Литература, как и другие